

MILOŠ ZELENKA

Jihočeská univerzita
v Českých Budějovicích,
Česká republika

ORCID 0000-0002-4049-3263

Email zelenka@pf.jcu.cz

РАЗГОВОР О РОМАНЕ ЯКОБСОНЕ¹

A CONVERSATION ABOUT ROMAN JAKOBSON

Abstract

This conversation is about the publication of Roman Jakobson's book, "The Wisdom of the Old Czechs" and explores the interest in his works, the idea of republishing his book, and the political views of this renowned linguist.

Keywords: Roman Jakobson, Czech culture, politics

R M: Когда и как Вы начали интересоваться творчеством и личностью Романа Якобсона?

M Z: Я заинтересовался творчеством и личностью Романа Якобсона на последних курсах Философского факультета Карлова университета в Праге в 1984-1985 годах, когда преподаватель Славомир Вольман (1925-2012), чешский славист, рассказал нам о малоизвестных событиях в истории Пражского лингвистического кружка. Его отец, известный компаративист Франк Вольман (1888-1969), был членом кружка,

¹ Поводом к этому разговору стал выход книги: Roman Jakobson: *Moudrost starých Čechů*: komentovaná edice s navazující exilovou polemikou. Ed. Tomáš Hermann, Miloš Zelenka, Praha: Ústav pro soudobé dějiny AV ČR 2015. 382 s.

и он встречался с Якобсоном в Брно и Братиславе. Это было восхитительно! Мы знали кое-что о структурализме, о Мукаржовском, который был, говорят, скучным человеком, очень тщеславным, но история жизни Якобсона с времен русской революции, его пражского пребывания в межвоенный период вплоть до его американского финала казалась необычной интеллектуальной судьбой, хотя, на самом деле, она была типичной для русских евреев, обосновавшихся в Центральной Европе.

Славомир Вольман сыграл важную роль в воссоздании Славянского института в начале 1990-х годов (юридически до 1998 г.), а в 1988-1993 гг. был президентом Международного комитета славистов. В начале 1990-х годов он пригласил меня составить карту жизни и деятельности Якобсона в межвоенной Чехословакии и провести базовое архивное исследование с последующей интерпретацией. В 1990-е годы коренным образом менялся методологический дискурс: отступление структурализма в пользу социально-исторических и региональных исследований, разговоры о деконструкции, новом историзме, постколониализме, межлитературности, имагологии и других концепциях. С одной стороны, структурализм воспринимался его не критичными поклонниками – особенно в чешской среде – как вершина точности и интерпретационного «совершенства», с другой стороны, с западноевропейской или американской точки зрения, он воспринимался как нечто архаичное, как движение, ориентированное на «правила» познания реальности, а не на саму реальность. Необходимо было взглянуть на структурализм «новыми глазами», не связанными с ним генетически или лично. Поэтому в начале 1990-х годов Вольман обратился к наступающему исследователю-практиканту, который больше, чем лингвистикой, интересовался литературоведением, славистикой и компаративистикой – областями, на которые русский эмигрант также оказал влияние. На самом деле, Якобсон постоянно провоцировал, прекрасно сочетая исследовательскую работу с менеджерским подходом, с рекламой в СМИ. Он создавал славу кружка, он разрабатывал его «недемократический» устав, он вел полемику в основном со своими оппонентами, которых умел ликвидировать. Интересно отметить, что многие его непримиримые взгляды на альтернативы и параллельные экскурсы передались его ученикам и ученикам этих учеников. Последние, правда, уже не обладали его

научной оригинальностью и личной харизмой и скорее не критично обращались к его наследию, которое они только раздвобляли.

С 1990-х годов я начал писать статьи, которые публиковались в основном в журнале «Славия» (Вольман был его главным редактором, но в начале XXI века был вынужден покинуть этот пост), а также за рубежом. Как его ученик, я выразил почтение Вольману, получив возможность издать посмертно, благодаря любезности тогдашнего руководителя Института славистики Философского факультета Масарикова университета в г. Брно профессора Иво Поспишила, избранное из произведения Вольмана «*Славянские литературы в Центральной Европе*» (Брно: Философский факультет Масарикова университета, 2013). Моя жена, славист Анна Зеленкова, опубликовала там под названием «*Моя жизнь между наукой и искусством*» (с. 153-182) интервью, которые она брала у него на протяжении более чем двадцати лет. Именно в этом многолетнем и многопоколенном диалоге, часть которого по инициативе богемистки Л.Н. Будаговой и тогдашнего главного редактора Михаила Робинсона была перепечатана и переведена в престижном российском журнале «Славяноведение» (2012, № 6), раскрываются «белые пятна» биографии Яковсона. Действительно, она и по сей день остается симптоматичным исследованием сложной судьбы интеллектуала, который устроился в Центральной Европе и заставил нас по-новому задуматься об эстетических корнях и ценностях нашего культурного бытия.

Почему возникла необходимость/желание переиздать книгу Р. Яковсона *Мудрость древних чехов??* Можно ли считать *Введение* к этой книге, которое Вы написали вместе с Томашом Германном и которое составляет почти 100 страниц (!), своеобразным итогом ваших исследований?

В узком кругу специализированных отечественных и зарубежных литературоведов было известно, почему Яковсон не включил «*Мудрость древних богемцев*» (sic! – R. M.) в свое многочисленное *Собрание сочинений*, выпущенное знаменитым гаагским издательством Мутон. Это было связано с тем, что он сам осознавал определенную современность и идеологию, обусловленную его антигерманской позицией, а также тем, что мы можем назвать в первую очередь

«чехословацким патриотизмом». Кроме того, книга была опубликована в Америке во время Второй мировой войны эмигрантским издательством и в большинстве чешских библиотек отсутствовала, т.е. была утеряна или украдена. Якобсон вел переговоры о чешском издании сразу после 1945 г., но с переизданием возникли проблемы: недоступность научной литературы во время войны, поддержка чехословацкого сопротивления – а там были сильные внутренние споры между историографами разных политических и религиозных пристрастий, и другие факторы, которые заняли бы как минимум одну страницу.

Известно, что в 1960-е годы Якобсон якобы подумывал о новом расширенном и критически дополненном издании *«Мудрости...»*, но чешский семиотик и театровед Иво Осолсобе, кстати, ученик Франка Вольмана в Университете Масарика в Брно, тактично посоветовал ему отказаться от этого замысла. В архиве издательства «Мелантрих» коллега Томаш Герман из Института современной истории АН ЧР в Праге обнаружил машинописный вариант с подписями самого Якобсона, что и побудило нас опубликовать эту неоднозначную работу – междисциплинарное сотрудничество теоретика литературы и историка, специализирующегося на истории науки. Поэтому нам не пришлось запрашивать разрешение у американского Фонда Якобсона, которому принадлежат авторские права. Мы также сказали себе, что должны подготовить текст Якобсона в критическом виде, с обширными примечаниями, а также составить карту эмигрантской дискуссии, развернувшейся в Америке сразу после его публикации. Кроме того, мы должны были дополнить издание оценочным комментарием, который в итоге превратился во вступительную монографию. Следует, правда, добавить, что подготовка издания заняла у нас почти пять лет, с некоторыми непредвиденными цезурами, но все это пошло нам только на пользу. По случайному совпадению, американец чешского происхождения Йиндржих Томан из Мичигана в это же время переиздал чешское издание, но без примечаний и с кратким введением, которое не давало непрофессиональным читателям и профессиональной общественности столь обширного толкования, как наша «маленькая» монография. Однако он издал ее с оригинального набора, который Якобсон хотел радикально изменить в новых условиях.

Как бы Вы охарактеризовали отношение Романа Якобсона к политике в чехословацкий период его жизни и творчества?

Отношение Якобсона к политике и идеологии в межвоенный период стало бы не только научной монографией, но и триллером. Первоначально курсант военного училища и левый эсер, затем большевик (по крайней мере, внешне) на службе молодого советского государства. В Чехословакии он сближается с левыми и авангардистами, а также оказывает различные «услуги» чехословацкой внешней политике, особенно Замку и Эдварду Бенешу, многолетнему министру иностранных дел, а затем второму президенту Чехословакии после Т.Г. Масарика. От Славомира Вольмана мне известно, что Бенеш консультировался с Якобсоном перед заключением чехословацко-советского союзнического договора 1935 года. Известно, что Якобсон уговорил своих коллег из Пражского лингвистического кружка изучать язык Масарика, его стиль и т.д. Затем Замок спонсировал их поездки на конгрессы, финансово участвовал в публикации материалов, словом, оказывал покровительство структуралистам. Однако Министерство внутренних дел до конца 1920-х годов следило за Якобсоном и докладывало о нем, а Министерство иностранных дел, которое во второй половине 1930-х годов возглавлял историк Камиль Крофта, в случае необходимости докладывало о нем положительно. Якобсон раздражал своей способностью избавляться от своих преследователей. Иногда он утверждал, как свидетельствуют полицейские протоколы, что является незаконнорожденным сыном дворянина. Большинство отзывов о нем сходятся на том, что он, вместе с представителями левой богемы, – частый посетитель винных баров и ночных заведений. В апреле 1939 г., во время Протектората, он драматически бежал на поезде через нацистскую Германию в Данию, где уже заранее договорился о сотрудничестве.

Во время Второй мировой войны в американской эмиграции он пишет «*Мудрость*» как мнимую идеологическую поддержку чехословацкого сопротивления и ориентации Бенеша на Восток. Как фактически «беспристрастный» ученый, он утверждает, что после 1945 г. на немцев нельзя рассчитывать, поскольку тысячелетнее сосуществование с ними было проблематичным и что чешская философия истории всегда была антигерманской. Здесь он следует за известным чеш-

ским историком Франтишеком Палацким. После Второй мировой войны, получив американское гражданство и потеряв чехословацкое, Якобсон уже не занимал должность профессора в Университете Маса-рика в Брно. В конце 1940-х – начале 1950-х годов он предоставлял ЦРУ ценную информацию о менталитете восточной интеллигенции за «железным занавесом». Я спрашивал об этом в переписке другого известного структуралиста, Рене Веллека (1903-1995). Он писал мне, что уже во время Второй мировой войны к видным интеллектуалам-эмигрантам из Восточной и Центральной Европы, обосновавшимся в США, обращались с просьбой выразить себя неким «демократическим» способом и заслужить свое изгнание.

С 1943 г. Веллек сам преподавал основы чешского языка и чешские реалии американским офицерам, которые, как было известно, могли бы освободить Чехословакию с Запада. Якобсон, уже как американский славист, присутствовал на IV Международном конгрессе в Москве в 1958 году, причем, по воспоминаниям непосредственного участника конгресса Франка Вольмана, переданным нам его сыном Славомиром, его не сопровождал официальный эскорт из аэропорта, как других делегатов, а встречал сотрудник КГБ с машиной, в которую Якобсон и сел. Однако в Чехии за Якобсоном во время его нерегулярных визитов в 1950-1960-е годы следила государственная тайная служба безопасности (STB), над которой он, по своей привычке, постоянно подшучивал. Например, когда они со Славомиром Вольманом сидели в гостинице «Ялта», Якобсон подошел к секретному полицейскому и иронично спросил его на пражском чешском, обращаясь на «они»: «*А вы не Бретшнайдер ли?*» (аллюзия на тупого полицейского из романа Гашека «*Швейк*», из которого Якобсон и спустя годы цитировал наизусть обширные фрагменты). Тайный полицейский успел только коротко ответить, что его зовут Новак!

На VI съезде славистов в Праге в августе 1968 г. – незадолго до оккупации страны советскими и другими «дружественными» войсками – Якобсон, как ведущий сотрудник Международного комитета славистов, был принят на официальной аудиенции у президента Людвика Свободы. 21 августа 1968 г. по приглашению Словацкой академии наук он находился в Братиславе, где по инициативе Антона Поповича должен был посетить Нитранский семиотический и коммуникативный центр – Институт литературной и языковой коммуни-

кации при Педагогическом факультете в Нитре. Лекция, разумеется, не состоялась, поскольку Якобсон в конце концов бежал от товарищей в Вену, где его ждал Умберто Эко (на этот эпизод намекнуто в послесловии к *«Имени розы»*). Якобсон, который, по мнению некоторых историков, был чем-то вроде "двойного агента" (но я думаю, что это очень сильные слова), хотя прямые доказательства этого, вероятно, трудно найти сегодня, обладал чувством драматизма момента и исторических парадоксов. *«Я возвращаюсь из круга в круг»* – знаменитая фраза исследователя, отражающая его умение лавировать между самыми разными обстановками, идеологиями и политическими крайностями. Постоянно эмигрируя откуда-то на протяжении всей своей жизни, он всегда умел быстро адаптироваться к новой или незнакомой среде. А теперь выберите, каковы были его реальные политические взгляды...